

Дзэн и Искусство быть очень-очень злым

"Конфуций стал мудрецом потому, что стремился к учению с пятнадцатилетнего возраста, а не потому, что учился на старости лет". Это напоминает буддистское изречение: "Есть намерение, будет и прозрение".

Хагакурэ

В те дни Толстый Фрэнк ходил довольно далеко от дома, следуя своими собственными маршрутами возле лучших свалок мусора в городе, плетясь на рассвете по зажиточным кварталам в кожаной куртке с порванной подкладкой, которая стала одним большим карманом, куда удобно было прятать находки. Однажды он вернулся с полным собранием трудов Мисима, перевязанных нитью, внешние страницы были сырыми и сморщенными от ранней утренней росы. В другой раз он нашел машину пачинко, которую необходимо было только включить, чтобы она заработала; книги остались у нас, но машина была слишком большой, чтобы перетащить ее. Неизменной оставалась его коллекция зажигалок, которая переманила уже за сотню, главным образом это были некие пластмассовые гротески, которые одобрил Крис, они были красно-коричневыми и все в шишечках, словно причудливый секс-аксессуар. Ни одна из металлических зажигалок не была золотой, хотя у него действительно были несколько зажигалок с гравировками Zippo, но отнюдь ничего стоящего, я отчаялся, что он когда-нибудь найдет что-нибудь по настоящему ценное. Каждые несколько месяцев мы слышали новые истории про домохозяек, которые находили целое состояние, сотни тысяч йен, в манильских конвертах, оставленных на крышках мусорных баков, предназначенных для некоторых чиновников, в непрерывной череде взяточничества, что было неотъемлемой частью общественной жизни Японии. Возможно, Фрэнку когда-нибудь все таки должно было повезти и он решил бы все наши финансовые проблемы.

Крис нашел для себя новую нишу как для "характерной" модели. Он ответил на объявление в Токио Жоурнал и посетил модельное агентство, которое нуждалось только в "западных характерных моделях", то есть причудливо странных и с отличительным взглядом. При собеседовании молодым людям с прекрасными фигурами и внешностью кинозвезд было отказано, потому, как они являлись "слишком обычными", но они приняли Крису с распростертыми объятьями. С его бородой, круглыми очками и лысой головой Крис был прекрасным выбором для роли доктора в рекламе витаминов или инженера автомобильной промышленности. Тогда он получил прибыльную работу – роль Иезуитского миссионера в японском документальном драматическом сериале. В одной из сцен все его новообращенные были измучены местным военным начальником самураем. Режиссер сказал тогда Крису действовать "соответствующе потрясенно" в то время когда он узнает об этой новости.

Фрэнк избрал собственный путь совершенствования в боевых искусствах. Он обратился к источникам и проштудировал автобиографию Канчо в поисках полезных советов. Канчо утверждал, что одно из его главных озарений пришло к нему в момент наблюдения за тем, как золотые рыбки плыли, когда на встречу им шла стая других рыб. Золотые рыбки никогда не отступали, вместо этого они полагались на свои способности двигаться из стороны в сторону, при этом постоянно сохраняя инерцию вперед. Именно поэтому в айкидо нет шагов назад. Он также высказал свое мнение, что золотые рыбки начинают каждое движение с поворота своей головы, обозначая направление следующего движения. "Если вам нужна скорость и баланс, используйте вашу голову для начала поворота", – говорил Канчо.

Он также тренировался с большими собаками. Собаки были обучены атаковать его, в то время как он быстро уходил от их нападений, уворачиваясь от направленной атаки и шлепая их – насколько сильно история не зафиксировала. (Надеюсь, что не очень. Одно дело избить человека в погоне за конечное боевое превосходство, но немного стыдно еще и избивать собак.)

Фрэнк поговаривал о том, чтобы завести собаку. Несмело, без особой убежденности. Он знал, что вступила на зыбкую почву. "Даже маленькая собака - вне обсуждения", сказал Крис. Он был прав. Где жила бы эта собака? Под раковиной, с тараканами?

Тогда он сделал продолговатый аквариум с небольшой трещиной, залепленной черной изоляцией. "А как насчет рыбы, ребята?" Пришло время применить киндждэ но митори гейко (наблюдение за золотыми рыбками) на практике.

Присутствовала некоторая неуклюжая дружественная добродушность к Толстому Фрэнку. Я никогда не видел его сердитым, хотя Крис предупреждал меня, что когда это случалось это выглядело ужасным, приводя как пример "сражение на бензоколонке", где Толстый Фрэнк в одиночку защищал своих родственников от грубых и раздраженных дорожных рабочих на иранской бензозаправочной станции. Вооруженные железными прутьями и лопатами дорожные рабочие оцепенели в ошеломлении, когда Толстый Фрэнк оторвал чью-то руку. "Оторвал?" спросил я Криса, который был в Иране в то же время, но не присутствовал фактически при драке. "Точно так," сказал он. "Она была настолько выдрана, что плечо было в другой подмышке." Фрэнк был более скромнее, рассказывая о своей злости, описывая драку в общих фразах, без подробностей насилия: "Когда этот парень размахивал своим прутком, я знал, что должен подпрыгнуть выше, чем когда либо прежде, что я и сделал." Мысль о стокилограммовом Толстом Фрэнке, подпрыгивающем высоко в вверх, была действительно ужасной, если задуматься.

У нас был аквариум, который стоял на кухонном столе, для чего пришлось передвинуть все бумаги Криса на стул, поэтому теперь нам всего лишь требовалась рыба. Бэн решил эту проблему на местной ярмарке. Используя свой колоссальный рост, он смог перегнуться через стойку ларька, который за попадание выстрела духового ружья по мишени, давал в качестве призов золотых рыбок. Он держал ружье в вытянутых руках, всего лишь в нескольких дюймах от цели и набрал отличное количество попаданий. На нормальном расстоянии духовые ружья настолько нестабильными и неэффективными, что попадание зависело от удачливости. В качестве приза были получены золотая рыбка нездорового вида, которого мы тут же нарекли "маленьким канчо". Бэн выиграл еще двух представителей поздравнее в противники для Канчо, до того момента, как ему запретили приближаться к стрелковому киоску.

Дома, в Фуджи Хайтс, наблюдение за золотыми рыбками превратилось в принудительное времяпровождение. Канчо, имеется ввиду настоящий Канчо, был прав: золотые рыбки не плавают задом - но они плавают назад и вперед и еще по всякому разному. Иногда они чистят плавники, но не выносят столкновений. Они плавают так, словно вот-вот столкнутся, но этого никогда не происходит. Люди же, с другой стороны, часто хотят "показать", что не хотят столкновения, оставляя больше чем необходимо места для того, кто движется в их направлении. Чрезмерная реакция настолько же плоха, насколько и недостаточная - она нарушает естественную природу конфликта, разрывая вашу связь с противником, внося "мысль" туда, где вы должны руководствоваться инстинктом.

Тессю утверждал, что достиг полного просветления, когда его "не-разум" или инстинкт, а не интеллект, занял ведущую роль в его искусстве владения мечом и в жизни. Отличный урок преподавал ему не воин, а успешный бизнесмен, который сказал ему: "Купцы никогда не должны страшиться или заботиться о победе или поражении, прибыли или убытке. Если человек думает только о том, как заработать деньги, его сердце бьется в предвкушении; если он боится получить взбучку, он сожмется и съжмется. Ничто не может быть успешно выполнено с беспокойством о таких вещах. Лучшее средство для человека держать свое сердце чистым, встречать лицом предстоящую работу и действовать неустрашимо."

Даррен обеспечил нас современной интерпретацией на эту тему: "Я в целом действую в уверенности, что меня ударят и потом удивляюсь, когда это не происходит. Быть слишком озабоченным тем, что тебя могут ударить - ошибочное состояние разума."

Иногда то, что было сказано, доходило позднее, чем было услышано, при чем в ситуациях не связанных с высказыванием. В других случаях, событие и некоторые слова совпадали и урок был принят.

Самая большая отличия от уроков западного типа было в целевом занятии, где вы делаете одну вещь в избытке. Теперь мне кажется, что именно целевые занятия действительно изменили нас. Они использовали боль и освобождение от нее, чтобы выгравировать предмет изучения глубоко в нашем мозгу, так чтобы вы никогда не смогли его действительно позабыть. Боль улучшает запоминаемость

материала, позволяя вам снова пережить его в деталях. В западной системе урок всего лишь информация; в Японии – это опыт.

- Было больше 400, – сказал Маленький Ник.

- Может быть, – сказал Бешеный Пес (в конце концов, чем больше их было, тем лучше для всех), – но я сделал 350.

- Было 328, – сказал Уилл, стараясь разглядеть сзади за своим плечом голое мясо посреди спины.

- Неа! Было больше, – послышались голоса. Должно было быть больше того.

Мы только что закончили занятие с Чино-сенсеем "600 падений назад". Когда Крис, Толстый Фрэнк и я начали заниматься айкидо мы не могли представить, что сможем сделать хотя бы одно.

Падения назад были просто падениями назад на попу и затем на спину. Как только твой зад касается пола, ты подбрасываешь ноги вверх и это уменьшает силу удара. Но некоторая часть инерции должна быть сохранена для того, чтобы с ее помощью можно было подняться одним равномерным движением. Подъем требует подтянуть ноги к ягодицам в тот момент, когда ты пружинишь в стоячее положение. Размахивание руками делает отпружинивание проще. Быстрые падения назад очень утомительны.

За последние несколько месяцев я дошел до сотни падений и думал что это мой абсолютный предел.

Чино стал считать и мы начали выполнять: "ичи, ни, сан, ши, го, року, шичи, хаши, кю, дзю". Он дошел до десяти и продолжил считать сначала. Я тайком покосился на часы. Еще сорок минут.

Через десять минут люди начали уставать. Полицейские стали ободрительно покрикивать друг на друга: "Ёши." "Файто."

(Ёши – японское слово ободрения. Файто – искаженное английское 'fight on' (продолжай драться), обычно выкрикивается для поддержки в спортивных играх.)

У Сакума, как я видел появилось кровавое пятно на спине его доги. Эта часть и зад больше всего стирались в кровь от постоянных падений на спину.

"Файто."

Прямой перевод общепринятого слова ободрения гамбатте – продолжай драться. Англоязычная альтернатива стала предпочтительнее в японском спорте, чем оригинальный вариант гамбатте. Но даже заимствованное слово произносилось файто, что звучало весьма забавно для англо-говорящих. Поэтому крики "файто" только подтверждали насмешливое отношение японцев к иностранцам. Но в этот раз никто не насмехался.

Чино великолепно задавал ритм работы группы. Этим отличались все японцы и когда ритм группы устанавливался, выносливость каждого возрастала в 7-8 раз. Ни один западный учитель не мог установить групповой ритм. Пол был действительно хорош в прямо противоположном – постоянно ломая всякий естественный ритм, который мог проявить себя.

Я был уверен, что одной причиной, по которой японские сенсей любили древние тренировочные программы вроде двух сотен отжиманий или часа хаджиме, была возможность подчинить группу ритму. Где-то глубоко в подсознании я приравнивал совершенство владения айкидо к способности использовать ритм для собственного превосходства: выстраивай свою защиту вокруг ритма атаки противника или заставь атакующего танцевать под твой ритм.

Через двадцать минут я сбился со счета. Мой зад, прямо на копчике, явно болел. Мы работали ни быстро, ни медленно. Чино установил убийственный ритм. Большинство сенсусей успевали. Посреди спины Сакумы расплылось огромное красное солнце. Насколько я видел, Уилл тоже обильно истекал кровью.

Я следил за Чино, словно зачарованный и вдруг неожиданно заметил – он жульничал! Когда он опускался вниз, он расставлял ноги. Это означало, что при изначальном приседании его зад практически касался пола, таким образом снимая всяческое напряжение от столкновения с полом и стирания кожи в кровь. Но когда он вставал, его ноги оказывались вместе, потому я и пропустил этот фокус ранее.

Я тут же стал копировать его форму выполнения. Так было гораздо легче. Но когда на подъеме я схлопнул ноги вместе, то случайно зажал ногами яички. Весьма неприятно!

Я вернулся к "правильному" способу, заключив, что слухи о нехватке принадлежностей у Чино ниже пояса были верными. Либо это так, либо он довел

до совершенства древний навык сумоистов, управляемое втягивание яичек внутрь тела.

Оставалось пятнадцать минут и мои ноги приняли желеобразное состояние, вскоре я был готов просто рухнуть на пол. И только ритм поддерживал мое движение и еще вид Сакумы, лицо которого обливалось потом, его тело отпружинивало от мата при ударе, в прелюдии неистового толчка к подъему.

Все полицейские и иностранные сеншусей стонали и мычали; на матах была кровь и пот, текший с лиц. Затем случилось что-то особенное. За пять минут до окончания, что-то щелкнуло у меня внутри. Впервые я почувствовал, что мой разум все больше концентрируется на чем-то внутреннем, наводя фокус на маленькую точку с увеличивающейся точностью, вместо того, чтобы рассредоточиваться, расплыться и суетиться как обычно. Новая дверь в моем мозге насильственно открылась и я знал, что могу продолжать и продолжать дальше.

Стрелка часов коснулась назначенной отметки, но Чино не остановился. Напряжение стало ощутимым. Насколько он затянет тренировку? После каждого падения Сакума теперь с трудом вставал на ноги с жалким безумством. Тонкая струйка крови протекала по его стопам вниз между двумя матами передо мной.

Тренировка затягивалась на две минуты, три минуты, и наконец Чино дал приказ остановиться. Произошла своеобразная вибрация – словно некое устройство заканчивало работу, когда все остановилось. Он сказал нам расслабиться. Тут же мои ноги подломились. Мы сползли с мата, сели на колени и в облегчении поклонились Чино.

В раздевалке штаны от доги Дэнни подверглись тщательной инспекции. Задняя часть была до неприличия окровавлена.

"Ты чем-то занимался с Агой, о чем мы не знаем?" – спросил Бешеный Пес. Раздевалочный юмор – часть "полного пакета" курса.

На одном занятии Чино заставил нас невероятно пахать в течение часа двадцати минут. Потом он приказал всем лечь и смотреть на потолок. Это было полное блаженство. Словно мечта сбылась – возможность наконец-то отдохнуть на занятии. Адам позже сказал: "Я так сильно потел, что даже когда мы легли на пол мои глаза были наполнены водой – словно я смотрю сквозь аквариум." Десять минут рая. Кто-то пошевелился и Чино приказал всем лежать неподвижно. Когда все закончилось, он просто сказал: "Когда вы работаете – работайте. Когда отдыхаете – отдыхайте."

Перерыв в тренировке произошел, когда мы поехали в ежегодное паломничество в Ивама, посетить храм Уесиба, додзё айкидо и ферму. Рядом с фермой была гора. Я читал о ней в записях Канчо. Именно на ступенчатом пути вверх по горе в Ивама молодые учи-деши сражались на мечах среди ночи. С белыми полотенцами хачи-маки на головах в качестве единственного видимого знака они рубили и кололи в опасной ступенчатой темноте.

- "Ступеньки на горе" звучат немного смешно, – сказал Бэн, когда я рассказал ему историю.

- Это неверное японские земляные кочки, – сказал Уилл, – <>Яма<> по-японски может означать все что угодно от маленькой кочки до горы Фуджи.

-Нет, это настоящая гора, – сказал я, хотя и не имел тому подтверждения.

Я воображал себе более деревенское место, но чем больше поезд в Ивама углублялся в загородные окраины севера Токио, тем больше я понимал, что более деревенской местности не будет. Вне зависимости от того как далеко мы отъезжали от Токио, казалось загородная часть оставалась без изменений. Серые здания с выцветшими красными знаками, пыльные серо-зеленые деревья, маленькие дороги, заполненные машинами, огромное количество проводов над головой. Куда бы ты не направился – подавляющее впечатление было от проводов над головой.

Я сидел с Бэном и Уиллом в поезде и Бэн обратился к извечной теме: что весь курс был просто промыванием мозгов.

- Ну ты же знал это с самого начала, – парировал я.

- Я знаю, но это отличается от того, что я представлял.

- Чем?

- Тем, что оно работает. Я не думал, что что-нибудь получится, но ведь оно работает. Мне кажется я превращаюсь в агрессивную сволочь.

- Не беспокойся, – сказал Уилл, – ты все еще слизняк.

Это была обязательная поездка для иностранных сеншусей, но потому что она совпадала с днем зарплаты полицейских им было разрешено не ехать. По какой-то

причине полицейские должны были лично являться для получения зарплаты и этот происходящий один раз в месяц выходной был причиной обиды среди иностранцев.

Когда мы добрались до станции, нам пришлось бежать с платформы на ферму, которая теперь превратилась в центр айкидо. Ферма была скоплением низких деревянных домиков окруженных кедрами и соснами, производящими чудесный смолистый запах. Под дождём был выделен своеобразный длинный домик с навесами и примыкающими строениями с небольшими окошками – кухня и общежитиями, как я догадался. Сеншусей были единственными людьми в костюмах.

Через полчаса Рэм прибыл на своем мотоцикле, неподходяще одетый в костюм и сапоги для мотоцикла.

Даррен был ассистирующим учителем, несшим ответственность за визит и он был неприятно раздражен:

- Где, черт возьми, ты был?
- Я ехал на мотоцикле, – ухмыльнулся Рэм.
- Ты должен был приехать на поезде.
- Я знаю, – Рэм продолжал улыбаться.
- Перестань на хрен ухмыляться.

Рэм выглядел сконфуженным, хотя я сомневаюсь, что он знал слово "ухмыляться".

Рэм однажды опоздал на тренировку. В наказание его заставили сидеть в сейдза в течение часа. Если ты опаздывал три раза, то вылетал с курса. Но Рэм никогда не искал оправданий для учителей. Он оставлял свои оправдания для нас.

- Я думал сегодня нет тренировки, потому и не проснулся. А потом, о боже, уже восемь часов. Я схватился за мотоцикл. 180, 190 – поехал.

- А как костюм? – спросил я. Я одолжил ему костюм, так как у Рэма не было собственного.

- Посмотри на это, – сказал он. – Пуговица отваливается. Но не беспокойся, я ее пришью и отдам костюм в чистку. Он будет как новый.

В результате я обнаружил, что благодарю его за то, что он занял у меня костюм.

- Сколько еще до обеда? – спросил Маленький Ник.
- Около двух часов, – оскалился Шип.

Сесть было негде, поэтому нам пришлось провести два часа стоя в толпе с другими паломниками, наблюдая синтоистскую церемонию перед пагодо-подобным храмом.

Священники в белых мантиях говорили нараспев и пели, подчиняясь с ровной гармонии традиционной японской музыки. Они размахивали и кланялись и клали ростки кедра на маленький алтарь. Каждый росток неизбежно влек за собой больше речитатива. Когда я думал, что все закончилось, они стали забирать ростки по одному с алтаря. Я с ужасом понял, что мы должны будем стоять дальше, пока вся предыдущая церемония не пройдет в обратном порядке.

Стало полегче, когда сын Уесиба и приемник в руководстве ивамовским течением, Киссомару, выполнял айкидо без реальных атак и бросков.

"Это фальшивка", – разочарованно сказал Маленький Ник, и он был прав.

Через полтора часа, у одного из синтоистских священников от сидения в сейдза свело ногу. Ему пришлось встать и встряхнуть ее. Это был первый раз, когда я увидел страдания японца от сейдза. "Сердце радуется, когда видишь такое, неправда ли?" – сказал Уилл.

Полка в храме была завалена подношениями в виде фруктов и овощей. Посреди церемонии большая дыня скатилась и ударилась об пол. "Ой!, – сказал Адам, "храм же промокнет!"

И даже когда церемония, казалось, подходила к концу, всегда находилась еще одна песня, еще один росток кедра для возложения на алтарь, который я знал означал, что потребуются время на то, чтобы его убрать. По сути, вся церемония была метафорой курса сеншусей за время моего пребывания в Японии: как только ты подумаешь, что уже не может быть хуже, так оно происходит. И вдруг, неожиданно, все сначала.

Но если честно, ничто не длится вечно – даже синтоистские церемонии. К середине дня мы сидели в приятной тени деревьев на заднем дворе фермы, поедая обед в коробках, куда входили креветки, которых Рэм не мог есть по религиозным причинам.

После обеда я направился на поиски горы. К счастью были указатели к ней и я шел вдоль дорог, через бамбуковые рощи, пока не добрался до подножия холма.

По виду это было действительно ближе к земляной кочке, чем к горе. Я побежал легкой трусцой, мои непромокаемые сапоги шумно терлись друг о друга, мелочь позвякивала в кармане,

Взбираясь по наиболее очевидному пути, я чувствовал себя весьма неустойчиво. Я останавливался, чтобы найти подходящие места для прохода, вместо привычного галопа вверх по горной местности. Даже в этих местах мимо меня проходили: семьи в красном полиэтилене, дети с микки-маусовыми рюкзаками, мужчины среднего возраста в очках с металлической оправой и фотоаппаратами с большими линзами, симпатичная пара, неписывающаяся в грубую местность и ищущая, как я подозревал, покрытую листвой и уединенную лужайку для собственного увеселения.

После получаса мои легкие, сердце и какие-то другие, вовлеченные в работу органы, "включились" и стали слаженно работать. Я поймал ритм, подходящий для этого холма. Я вспомнил мой старый, быстрый способ подъема. Неожиданно, я подумал, что это айкидо нарушило мою устойчивость. Быстрая, сложная ходьба требует естественного джазового ритма. Нет времени на размышления, или точнее нет времени на путешествие мысли от ног к голове и обратно – за это время пласт дерна раскрошится, камешек соскользнет, ответвление корня сломается. Ноги должны думать, их нужно заставлять думать, выводя их из удобного равновесия. Тогда одна нога восстанавливает баланс, немного выталкивая другую из равновесия, и таким образом продолжается движение. Если вы дотошно ищите твердой опоры, как пенсионер на обледенелой дорожке, то каждый раз вы будете сталкиваться с разочарованием и либо не продвинетесь совсем, либо совсем мало. Вы должны привлечь динамику восхождения. Лучшая аналогия – бег по дощатому настилу на болотистой поверхности: двигайся, двигайся, двигайся или утони.

Упражнения в айкидо, которые были прелюдией айкидо, сырое, чистое айкидо, которое не знает правил, кроме естественных природных законов человеческого движения, эти упражнения, тренируемые ad infinitum, повторяемые до момента утомления и дальше, подготовили мой разум для поиска стабильности, твердой почвы, ровной поверхности для отдыха ног. Такой поверхности нет на холмах.

Чтобы научиться принципам свободного бега, возможно вам нужна безопасная почва. Безопасной почвой в айкидо были бесконечно практикуемые формы. Я заинтересовался. Это был урок горы Канчо, вытягивай себя бережно за пределы возможности. Недалеко от глупости находится дикая и ужасная зона чистого риска (Я там был во время дней моего скалолазания; протягивая удачу как можно дальше и даже еще дальше), но ближе ты забываешь об осторожности и "втягиваешься в веселье".

На вершине, где расположен буддийский храм, я искал знаменитые ступеньки. Нашел я их на другой стороне холма. Они вели вниз к автомобильной стоянке. Их были сотни, очень крутые и планка каждой ступеньки была узкой. Деревья держали ступеньки все время в тени, делая их влажными и тенистыми. Ступеньки неким образом следовали контуру холма, сейчас крутые и более мелкие, но всегда острые на конце, едва достаточных размеров, чтобы поставить одну ногу.

Я представил Уесиба и Канчо и остальных студентов несущихся к ступенькам с белыми повязками на головах и размахивающих мечами. Для этого нужно быть абсолютно сумасшедшими. Сумасшедшими или совершенно одержимыми делом.

Я таранился вниз на ступеньки и потом вокруг на исчерченный высоковольтными проводами ландшафт. Несмотря на окружающие меня деревья, местность внизу выглядела замусоренной как парк на исходе лета. На вершине горы больше не было никаких зацепок. От спуска по маленьким ступенькам волосы вставали дыбом. Я заставил себя пуститься на максимальной скорости, которую позволяли ноги, чтобы не запутаться. Я побежал еще быстрее, чтобы не было времени думать. Потом я начал совершать лунные прыжки, перескакивая через несколько ступенек за раз. Я поскользнулся дважды, но у меня оказалось достаточно ускорения, чтобы сохранить устойчивое положение. у подножья я встретил Бэна.

- Это там наверху они сражались?- спросил он.

- Да, - ответил я.

- Стоит подняться?

- У тебя слишком большие ноги, - сказал я, - Эта гора для размера не больше

К концу 1930-х Канчо оказался в центре колониальных амбиций Японии. Привязанный к военной комиссии, но все же будучи гражданским (в Японии в то время было такое звание – гражданский полковник), он прибыл в Шанхай для присмотра за скрытыми бизнес-интересами.

Перед отъездом он пошел к своему учителю Морихеи Уесиба, чтобы выразить свое уважение. Уесиба сказал ему: "Шиода, не позволяй никому победить тебя. То, чему я тебя научил, – теперь примени на практике". Для Канчо это было равнозначно получению "00" разряда – лицензии на убийство. "Ничто не сделало бы меня счастливее – до сих пор Сенсей всегда был неизменно груб со мной. Впервые он признал меня."

Будучи в Шанхае, Канчо описал его как место, где "убийцы были обыкновенным делом и частью повседневной жизни". Как угнетатели, японцы не были особенно популярны и Канчо наверняка это почувствовал. Однажды вечером он вступил в размолвку с уличным сутенером во французском квартале. Он вышел выпить со своим кохай, младшим коллегой, который тоже занимался боевыми искусствами. Причины ссоры Канчо не объясняет, но перебранка обострилась и вскоре ребята со стороны сутенера погнались за Канчо и его другом в бар.

"Я понял, что начать драку в таком месте означало, что мы не сможем уйти, если не победим. Впервые в жизни стоял вопрос драться или умереть."

Оказавшись в ловушке, Канчо подпирал изнутри дверь бара, в то время как были слышны сбили спешащие по ступенькам шаги.

<<Крепко держа в руке пивную бутылку, я пытался уравновесить дыхание. Когда первый противник приблизился к двери, чтобы открыть ее, я распахнул дверь первым, дернув ее на себя, он упал вперед, потеряв равновесие. Я ударил его по голове настолько сильно бутылкой, насколько мне это удалось. Затем я воткнул разбитую бутылку ему в лицо и повернул ее. Тут же следующий мужчина зашел и прицелился пнуть меня. Я сдвинулся в сторону и отбил его ногу открытой ладонью. Такое отражение удара требует идеального расчета времени, что и произошло. Он свалился на пол, хрипя в агонии. Позже я узнал, что его нога была сломана.

Двое были уже под контролем и в тот момент появилось странное ощущение. Голос в моей голове повторял: "Ты сильный. Никто не может победить тебя." Я приобрел своего рода полную уверенность и на меня снизошло странное спокойствие.

Еще оставалось два противника. Мой кохай, специалист по дзюдо, взял на себя одного, а я другого. Я был настолько спокоен, что стал чувствовать намерение атакующего. Было так словно я не мог проиграть, зная, почти предчувствуя, что он будет делать. Он направил удар мне прямо в лицо. Я сдвинулся внутрь, ближе к его корпусу, чтобы уйти от удара и в вариации шихонаге [базовой техники айкидо] зафиксировал его локти и плечи в неподвижном положении. Я жестко швырнул его и услышал звук раздробляющихся костей.

Последнего преследователя бросал мой младший товарищ, но после каждого броска противник продолжал вставать и нападать. Я шагнул вперед и в сильном прыжке ударил его прямо в грудную клетку. Именно этот удар оказался особенно эффективным, поскольку в полной гармонии с ударом я направил свой центр сильно вперед. Одним этим ударом он был уничтожен и уже не поднялся с того места, куда я уронил его.

Обозревая место происшествия, я с трудом мог поверить в то, что произошло. Тело и разум действовали в полном соответствии с техникой и посредством взрывной коку року [концентрированной силы требующей правильного дыхания] я увидел истину айкидо. В тот момент я подумал: "Я сделал айкидо своим".

Это действительно было моим озарением в айкидо.>>

Вернувшись в додзё, нас ожидал другой религиозный опыт, припасенный нам, после посещения горы Канчо. Так или иначе, я знал заранее, что нас ожидает, когда "Терминатор" заходил целеустремленно, кланялся святыне, поворачивался и кланялся нам, уже сидящим на коленях в ожидании. Я стал сверхчувствительным к звуку шагов каждого учителя, читая хорошее или плохое настроение в самом ритме их поступей. Было важным, чтобы учитель не был сердит, таким образом я искал знаки, которые могли заверить меня, что этого не было – предсказуемый психоз тех, кто страдает от капризов делать что-либо в полную силу.

В предыдущем году, Ник, гипервентилируемый английский сэнсусей, покинул курс, теперь же он стал настолько одержимым тем, кто из учителей будет вести занятие, что он расспрашивал всех помощников перед уроком. В поддержку

японского способа сдержки информации они не отвечали ему, поэтому он строил свои собственные догадки, основанные на том чья очередь должна была вероятно быть. Тогда он успокаивался, убежденный тем, что выбрался. Я знал, что чувство предугадывания было особенно сильным для меня, когда Мастард вел занятия.

Случай с гипервентиляцией Ника и издевательство над ним учителя служило своеобразным предупреждением для сеншусей. Я спросил об этом Шипа, который был в одной группе с Ником.

- У Ника было все в порядке пока у него не сорвало крышу.

- В смысле?

- У него сорвало крышу. Он перестал тренироваться, но при этом все еще стоял на ногах. Именно это и привело учителя в бешенство. Он не потерял сознание или что-то в этом роде, а значит он мог продолжать тренировку.

Я сделал мысленную пометку, что надо хлопнуться в обморок, прежде чем сдаваться.

- Так, - сказал Терминтор, - сейчас будет куро-обикай - сидение в сейдза в течение часа.

Мы сидели в два ряда напротив своих партнеров, опробывая жуткую позицию на коленях. Предстояла длительная каторга, потому важно, что в каком положении ты начинаешь <сейдза> определяет насколько болезненной она будет.

Правильная сейдза - не просто сидение на коленях. Ты должен находиться в неподвижном и безэмоциональном состоянии. Для иностранцев, которые никогда не проводили времени на коленях до начала занятий айкидо, это всегда испытание. Именно невозможность пошевелиться и высвободить напряжение колен и ступней делает это упражнение таким тяжелым.

Мы все знали, что такая тренировка должна произойти, мы просто не знали когда. Это было одно из знаменитых "убийственных" занятий, о которых все говорили, когда хотели произвести впечатление на начинающих заниматься айкидо. Мы уже успели обсудить боль сейдза и теперь должны были прочувствовать ее.

Было бы просто замечательно просто посидеть в тишине, но у Роланда были иные мысли на сей счет. Каждый из нас по очереди должен был сказать речь о том, что означает курс сеншусей для нас.

Я посмотрел на Рэма и он ухмыльнулся. Я ухмыльнулся в ответ. Наверное мы были единственными лыбящимися среди всех. Это была бравада.

Бешеный Пес начал речь. Он говорил траурным голосом о том, как он проделал длинный путь из Канады, чтобы учиться айкидо в Японии. "Я действительно считаю, что нам очень повезло с возможностью тренироваться здесь с лучшими сенсей." после этого он перечислил всех учителей поименно, что заняло еще немного времени. Он продолжил фразой "это стало самым сложным делом, которое я когда-либо выполнял".

Следующим был Уилл. К тому времени мои ноги стали неметь. Все говорили, что нужно позволить им онеметь и что самое главное в сейдза - это неподвижность. как только ты пошевелишься, кровь начнет циркулировать и придет боль.

Я ожидал, что речь Уилла будет хоть немного остроумной, но это было не так. Несмотря на его острый язык, Уилл также как и остальные погрузился в грустное самокопание. Было похоже, что мы все оказались в периоде культурной революции, когда все занимались самокритикой.

"Это был шанс достичь хорошего уровня в айкидо, - сказал Уилл, добавив, - это стало самым сложным делом, которое я когда-либо выполнял".

Речь Аги была хитроумным сочетанием клише в айкидо. Но я не мог его винить. Я б напугать самые творческие умы, чтобы подумать как сказать что-то оригинальное и искреннее, когда единственное чего тебе хочется, так это заорать "Какого хрена я сижу на коленях?!"

Во время моей речи, жалкого излияния о том, как курс оказался психологически более требовательным, чем физически, Ага начал скручиваться вперед и стонать. Я удивился. Ага до тех пор все время выдерживал горделивую позу человека, для которого слово боль не имело значения. А потом я вспомнил его нервный срыв во время тренировки на удары предплечьем. Я начал гадать, выйдут ли его глаза снова из под контроля.

Он простонал немного громче.

"Ага! Сиди ровно!" - скомандовал Шип.

Ага сел прямо и потом снова рухнул вперед, его лицо стало ярко красным.

"Держи боль внутри, парень, - сказал Роланд ласково, - Не позволяй боли проявляться на лице." Я был уверен Роланд пытался выдержать интонацию в религиозном, а не авторитарном ключе.

Речь Рэма мне запомнилась лучше всего просто потому, что она была такой короткой. И еще она милосердно была свободна от какой-либо пропаганды - слов и фраз, типичных для додзё, затем подобранных и опубликованных журналами по будо, затем вернувшихся снова в додзё, потеряв всяческое подобие связи с реальностью.

"Это не самое сложное дело, но это очень сложное дело, сказал Рэм, - Потому что никто не говорит тебе просыпаться рано утром и приходить сюда каждый день. Это самая сложное дело. Это выбор."

Ага тяжело корчился слева от меня. Адам скрипел и закатывал свои глаза. Наступил общий этап беспокойства.

Я поискал на чем бы сконцентрировать свое внимание. На некоторое время мои глаза замерли на лице Рэма, но потом я обнаружил, что снова блуждаю глазами вокруг. Тут я начал корчить рожи, гримасы с трудом контролируемые, чтобы не показать полностью мои страдания. Но я знал, будь я один, то не стал бы корчить рож. Все настолько много внимания обращали на это, что было важно не держаться слишком мужественно. я имею ввиду, что у меня все еще оставался некий резерв, но небольшой. Если бы я соблюдал полный контроль, я бы вообще не пошевелился.

К концу мой слух стал ослабевать, или точнее моя концентрация рассеялась. Я слышал как забасил Маленький Ник и я едва ли понял хотя бы одно слово. У него в принципе был мягкий, чудесный голос, который было сложно расслышать поверх шума и гама додзё. Но я был не в настроении его слушать.

Проведя так много времени с этой группой парней, я понял, что у каждого была речь, которую они повторяли так часто, как только могли. В ней были заключены их заботы, надежды, опасения и беспокойства. Это раскрывало их внутреннюю личность. Эта речь походила на утверждение их миссии. Адам включил в свою речь упоминание о преступном отце и сестре, и склонной к наркотикам матери. Он даже мимолетно упомянул кое-что в течении урока сэйдза: "Это то, что я хочу закончить поскорее. Я думаю, что сейчас был бы в тюрьме, если не обучался бы на курсе."

Среди нас извивающихся на полу и корчащихся лиц, Роланд, как всегда безразличный, сказал свою речь.

Было все еще трудно поверить, что он был такого же возраста, как и я, он казался намного старше. Возраст и власть взаимозаменяемы. Я задавался вопросом, меняется ли возраст Роланда, когда он возвращается домой к жене и ребенку. Сбрасывает ли он резиновую маску, как злодеи в Скуби Ду, крича, "Дорогая, мне снова двадцать девять!"? Или ему было пятьдесят постоянно?

Роланд сказал нам: "Однажды я стоял в камаэ и Канчо подошел и коснулся кусочка моей спины. Одно то изменение научило меня большому о правильной стойке, чем часы и часы тренировок."

На мгновение беспокойство остановилось, когда люди размышляли о мастерском касании Канчо-сенсей. Затем Ага поломался и стал орать и стучать головой об пол. Впервые я подумал, может ему и правда настолько плохо и он вовсе не прикидывается. Роланд невозмутимо продолжил свою речь.

"Что делает сеншусей тем, чем он является? В чем заключается дух сеншусей? Однажды, несколько лет назад, я наблюдал за тем, как учитель поправлял студента-сеншусей. Этот студент не мог сделать того, что от него требовал учитель. Он продолжал попытки и не мог сделать, а учитель продолжал поправлять его снова и снова.

И я мог видеть, что студент все больше и больше расстраивался и начинал злиться, злиться на самого себя и на учителя. Я думал, что он, в конце концов, он (здесь Роланд остановился, подбирая нужное слово) ударит учителя. Но он все продолжал попытки, он держал злость под контролем. Именно таким я вижу дух сеншусей. Чистая злость, контролируемая злость, ждущая момента, когда ее смогут использовать. Найдите злость, ребята. Найдите в себе злость!" На несколько коротких мгновений мы все были вдохновлены злостью и перестали стонать. Но потом Ага сломался снова и мы все стали постыдно шумными.

Как говорил Крис, очень сложно судить о чужой боли, особенно если ты сам проходишь через внешне подобный опыт. Но в конце-то концов, я говорил себе, мы всего лишь сидим на коленях. Мы не подвешены на крюки за гениталии в гестаповском подвале.

Смутно, я мог уже оценить, что существуют два уровня боли. Боль-1 - была непосредственным ощущением. Это был уровень объективного наблюдения: "Меня ужалила пчела. Вот боль вверху моего левого предплечья". Боль-2 - это субъективная реакция: "Ааа! Оно болит! Оно конкретно болит!"

Маленькие дети переживают только боль-2. Оно болит и болит и болит и когда боль закончится, они перестанут плакать.

Основная характеристика боли, и почти неотличимая от нее - это желание, чтобы она ушла. Мазохист не хочет, чтобы она уходила. Это служит нейтрализации сути опыта боли-2, поскольку боль-2 представляет собой сторону "ой, больно!", когда кажется, что боль находится везде и не может быть; локализована, словно атакуя непосредственно ваш мозг и неотличима от желания от нее избавиться. по сути боль-2 представляет собой "остановите это сейчас!".

С возрастом увеличивается сфера действия боли-1. Мы можем ощущать хроническую боль, например, ту, которая не уходит. Мы либо становимся несчастными, либо отгораживаемся от нее, делаем ее более вещественной ("вот она боль"), и затем учимся почти игнорировать ее. Почти.

Медленно я начинал видеть, что курс сенсусей во многом был о том, как справляться с болью, потерять опыт боли-2 и взять боль-1 под контроль. Если ты тренируешься до потери сознания, то ты потерял 2 составляющую боли. Если ты останавливаешься, когда "оно болит", то ты возможно держишь себя в безопасной зоне, но не управляешь собственным телом, а оно управляет тобой. Может быть время когда твоя жизнь будет зависеть от того, кто управляет кем.

"Терминатор" посмотрел на часы. Мы просидели 55 минут в сейдза. Он нас больше не задерживал: "Я-мэ!"

По началу никто не мог идти. Существовала два мнения по поводу лучшего способа борьбы с онемением ног. Одна говорила, что нужно оставаться в сидячем положении как можно дольше вытягивая и массируя ноги, прежде чем встать. Так говорили сторонники постепенного подхода. В соответствии с другим мнением нужно было попрыгать вверх, жестко впечатывая ступни в пол для стимулирования циркуляции крови. Шок конечно был больше, но сторонники прыжков предлагали более быструю реабилитацию. Стафан предупредил не прыгать слишком быстро: "Иногда, когда у вас не хватает ощущения в ногах, ваши пальцы подгибаются и вы можете сломать ногу." Он показал нам, подворачивая ногу в лодыжке, как это может быть. После этого я стал более осторожным с прыжками на онемевших ногах.

Когда изнурительное занятие сэйдза было закончено, беседа в чайной комнате затронула тему религии.

Все кроме Бэна и меня испытали некоторую форму галлюцинаций в течении продолжительного сидения на коленях. Бешеный Пес и Малыш Ник пережили самые яркие ощущения.

"Это было похоже на белый свет, словно при тесном столкновении, и внезапно я не смог видеть голову Бешеного Пса, как будто она была внутри меня..."

"А у меня," сказал Бешеный Пес, "это было похоже на негатив, все что было светлым потемнело, а все темное стало светлым."

"Я уставился на твое лицо," сказал Рэм мне, "и оно выглядело очень очень маленьким. Это было похоже на то если бы я смотрел в телескоп наоборот."

Каждый рассказывал о своих видениях и о моментах, внушающих благоговение. Если бы мы не должны были отправляться на работу, то, я уверен, что все окунулись бы с головой в религию тот час же.

Я сохранял спокойствие, но Бэн был непоколебимо скептичен: "Все это дерьмо," сказал он.

Но было странным то, как быстро люди вешали ярлыки на свои "духовные" видения и относились к ним с умиротворенным уважением. Половина обрывочных воспоминаний религиозных посвящений была подмешана повторяющимися показами кунг-фу Дэвида Каррадайна и было очевидно в своей квазидуховности. Каждый хотел, чтобы произошло что-то особенное и был уверен, что это случилось.

Мы сбежали с ярмарки видений и отправились на соседнее кладбище паркового типа, чтобы позавтракать. Это было моим любимым местом, здесь был влажный воздух и тень, это было убежище вдали от шумной улицы. Время от времени редкий служащий на пути домой останавливались у святыни кладбища, хлопал в ладоши и звонил в немелодичный колокол, который висел на толстой веревке. Голова склонялась на мгновение и я задавался вопросом, какие просьбы он

излагал, чего желал - новый автомобиль? Прибавку к зарплате? Простое желание стать лучше как человек?

"Озарение," говорил мне священник Дзэн, в мой первый визит в Японию, "есть два вида в зависимости от вашего типажа. Один тип человека испытывает много малых озарений. Другой тип испытывает одно большое озарение." "Что если у вас не случается никаких вообще озарений?" спросил я. "Такой человек не задумывается, чтобы задавать такой вопрос," ответил он.

Наша еда была разложена на мшистых камнях перед нами. Кладбище было пусто некоторое время. Облака москитов гудели в тени и на солнечном свету. Подобные кладбища - хорошие места для завтрака, намного лучше каменных кладбищ, которые я всегда находил угнетающими и жуткими.

Множество муравьев спешило поперек серых могильных камней, убирая на своем пути крошки, которые мы обронили. Бэн массировал все еще воспаленные колени. Ни один из нас не нарушал тишину долгое время. В конечном счете, тишина стала ощутимой, но, наконец, она была нарушена другим служащим в белой рубашке, тащившим нетерпеливо веревку колокола, заставляя его звонить с глухим звуком.